

Сфера науки и высшего образования

УДК 00+327
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Значение государственного языка в научных исследованиях по общественным наукам

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
директор, главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В. Значение государственного языка
в научных исследованиях по общественным наукам // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 6–19.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Статья поступила в редакцию 05.12.2024.
Исправленный текст представлен 28.12.2024.

АННОТАЦИЯ. Наука в современном понимании почти всегда развивалась при наличии доминирующих языков, используемых для облегчения коммуникации ученых разных стран. Однако за тысячу лет эту роль в значительных по охвату регионах мира успели отыграть несколько языков: прежде всего арабский, латынь, классический китайский, немецкий. Со второй половины XX в. на первые позиции вышел английский, хотя до сих пор на нем выходит в свет меньше 50% научных публикаций. Как показано в статье, точная статистика отсутствует, а имеющиеся сведения можно интерпретировать по-разному. К тому же ситуация с использованием национальных языков в разных научных дисциплинах различается, однако во многих обще-

ственных науках до сих пор без чтения литературы на китайском, испанском, русском и некоторых других государственных языках значимых в сфере НИОКР держав нельзя получить адекватную картину достигнутых научных знаний. В связи с этим Россия, выступая за ускоренную трансформацию мировой политики в сторону полицентризма, должна реализовывать меры государственной политики по продвижению русского языка за рубежом, в том числе в научно-образовательной сфере, равно как и предпринимать необходимые усилия внутри страны. Однако речь не идет об отказе от английского языка – в статье показано, что для решения конкретных задач нужна тонкая настройка предлагаемой политики путем сочетания разных инструментов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языки международного общения, язык научной публикации, научные журналы, статистика книгоиздания, роль языка в характере исследования, поставка российских книг за рубеж, продвижение русского языка в общественных науках.

В последние годы Россия активно выступает за ускоренную трансформацию мироустройства в сторону полиполицентризма. В каких-то сферах нашему государству эта политика удается больше: хорошей иллюстрацией служит возвышение в международных отношениях формата БРИКС, который даже как аббревиатура из аналитической работы возник лишь четверть века назад. В то же время на ряде направлений существуют объективные препятствия для ощутимого успеха на пути к полиполицентричному мироустройству. Например, довольно сложно подорвать заложенный в конце Второй мировой войны фундамент мировых финансов, основанный на долларе США. Однако есть, на наш взгляд, задача, к решению которой в современной России, по сути, не приступают, хотя она не связана с достижением «заоблачных» целей, – укрепление позиций русского языка на мировой арене, в том числе в области общественных наук.

Доминирование английского в науке – реальность, миф или чужая цель?

В XXI в. широта использования в самых разных странах в научной жизни английского языка достигла беспрецедентного уровня. Вместе с тем подчеркнем, что многие люди склонны краткосрочные явления описывать как результаты долгосрочных закономерностей, еще и подбирая исторические аналогии. В частности, английский начинают уподоблять латыни как меж-

дународному языку ученых в прошлые века. Однако уже в XVIII в. в Европе латинский язык начинает вытесняться национальными языками, причем это логично соответствует формированию международных отношений, в основе которых лежало взаимодействие укрепляющихся национальных государств. При этом за пределами «западного» мира латынь не использовалась учеными. Так, несколько веков «золотого» периода арабской науки основывались, разумеется, на арабском языке, причем в XII–XIII вв. европейцы осваивали научный багаж античных и восточных ученых прежде всего через переводы трудов с арабского на латынь. В Восточной Азии (от Вьетнама до Японии) научные знания до XIX в. распространялись прежде всего благодаря классической китайской иероглифической письменности (причем ее корейский вариант ханча перестал быть государственным языком в Корее только в 1897 г., а в самом Китае употребление классического китайского языка было резко ограничено в 1919 г.). При этом классический китайский (вэньянь) показал высокую степень адаптивности к нуждам современной науки [Needham, Robinson, 1991].

Даже в первой половине XX в. в мире науки большое значение имели не только немецкий или французский, выполнявшие роль языков международного общения, равно как и менее значимые тогда английский, русский или классический китайский, но и государственные языки таких небольших стран с сильной наукой, как, например, шведский. На наш взгляд, языковое разнообразие в научной жизни в XIX–XX в. отражало полиполицентризм мироустройства, опиравшийся на господство национальных государств. Соответственно, и «продавливание» английского языка на лидирующие позиции, особенно в науке, связано с попытками

США представить распад социалистического лагеря не столько как конец примерно четырех десятилетий довольно нестандартной для человечества bipolarности, сколько как начало длительного мирового господства Соединённых Штатов в условиях глобализации, символизирующей постепенное отмирание суверенных национальных государств. Таким образом, в случае усиления тенденций к полицентризму во второй половине XXI в. не исключена новая перестройка неформальной иерархии наиболее распространенных в мире языков.

Для продвижения того или иного языка в мире важную роль традиционно играли военные и внешне-политические успехи стран, причем достигнутое в итоге влияние в языковой среде сохранялось потом еще довольно долго после ослабления соответствующей ведущей державы. Так, военные успехи Франции со второй половины XVII до рубежа XVIII – XIX вв. закрепили роль французского языка в качестве международного языка дипломатии вплоть до второй половины XX в. Однако помимо политического веса Франции и общей распространенности ее государственного языка в силу внешнеэкономических контактов страны немалую роль играл культурный багаж, который был привязан к публикациям на французском языке [Марусенко, Шабалина, 2009]. Речь идет как о количестве сделанных переводов научной и художественной литературы с «редких» языков на французский, так и о многочисленных выдающихся публикациях самих французов. Похожая картина сложилась после завершения Первой мировой войны вплоть до начала XXI в. и в отношении британо-американского доминирования, обеспечившего лидерство английского языка в самых разных сферах. При этом достоинства

языка в части легкости его освоения (по крайней мере для владения разговорным уровнем) в действительности всегда имели второстепенное значение, поскольку нередко простота освоения лексики или фонетики компенсируется сложностью грамматики и даже скоростью речи носителей языка. К тому же для представителей различных «чужих» языковых групп отдельные барьеры могут восприниматься по-разному, не говоря об индивидуальных отличиях, в том числе обусловленных внутренней мотивацией людей, изучающих иностранный язык. Таким образом, довольно спорной выглядит не только попытка сравнить «легкость» для изучения французского и английского языков, но и кажущиеся преимущества испанского [Флеров, 2017]. При этом текущие сравнительно скромные позиции испанского языка на международном уровне хорошо иллюстрируют многофакторную природу доминирования того или иного языка в мире: иногда недостаточным оказывается даже широкое распространение в мире и статус одного из языков ООН.

Правильно оценить место английского языка в современной науке довольно сложно, особенно если речь идет о социогуманитарных дисциплинах, укорененных в национальной среде. Нам приходится открыто заявить, что в мире нет адекватной статистики, показывающей вклад разных языков в научное книгоиздание и выпуск научной периодики. Обычно статистика публикуется на основе англоязычных баз *Web of Science* (контролируется бизнесом из США, с 2016 г. – фирмой *Clarivate*) и *Scopus* (продукт британской транснациональной компании *RELX*, ранее известной как *Reed Elsevier*), то есть исходно дается смещенная выборка. Так, одна аргентинская исследовательница, изучавшая соотно-

шение испанского и португальского языков в условиях лидерства Бразилии в научном мире Латинской Америки, привела следующие сведения: на английском в 2020 г. издавалось почти 79% журналов с индексацией в *Scopus* (или почти 20 тыс. наименований), тогда как на испанском – только 2,3% (579 журналов), на китайском – 1,5% (366), на немецком – 1,3% (339), на французском – 1,1% (286), на португальском – 0,7% (176), на русском и итальянском – по 0,6% (162 и 143 соответственно). Еще 8,2% (более 2 тыс. журналов) были многоязычными (хотя не очень понятно, было ли это издание на двух-трех языках параллельно или, как это часто бывает, в журнале на государственном языке страны даются несколько статей и на английском), еще 2,4% издавались на иных языках. При этом США были представлены, например, 6247 журналами, Великобритания – 5828 журналами, а Китай – 574 журналами, Россия – 472 журналами [Céspedes, 2021, р. 144–145].

Последние цифры подтверждают, что выборку *Scopus* нельзя считать репрезентативной для Китая или России. Напомним, что в России в список Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России входит немногим более 3 тыс. журналов и в любом из них рекомендовано публиковаться соискателям ученых степеней (и это лишь 1/3 научных журналов, которые предоставляют полные тексты в систему РИНЦ). Есть также база наиболее авторитетных российских научных журналов *RSCI*, причем из 1024 журналов в конце 2024 г. в *Scopus* индексировалось менее 400¹. Более того, согласно приведенным аргентинской исследовательницей данным, только на русском

издавалось лишь около 1/3 российских журналов с индексацией в базе *Scopus*, что совершенно не соответствует реальной пропорции даже для ведущих российских журналов из ядра РИНЦ. Китайская база *China Academic Journals* на платформе *CNKI* дает сопоставимый с российским объем наименований научной периодики – свыше 8,5 тыс. журналов, в том числе более 1,9 тыс. «ключевых»². Учитывая, что по числу занятых в науке Китай опережает США, а Россия Великобританию, логично предположить, что по количеству качественных научных журналов представительство России и Китая занижено минимум в 5 раз.

Данные по Латинской Америке, Южной Корее, Японии или Турции вычислить еще сложнее. Даже сравнение *Scopus* и *Web of Science* с учетом базы *ESCI* показывает, что в 2020 г. первая база индексировала лишь 833 латиноамериканских журнала (за вычетом Бразилии – 456), тогда как вторая – 1048 журналов (633 без бразильских), причем на английском издавалось лишь 13% индексированных в *Scopus* латиноамериканских журналов и менее половины – в *Web of Science* [Céspedes, 2021, р. 145, 147]. С учетом меньших политических, идеологических и коррупционных барьеров для вхождения в *Scopus* для журналов, издаваемых в западных странах, по Германии, Франции, Швейцарии или Испании наблюдается существенное занижение.

В целом, по нашим оценкам, можно предположить, что изданий, отвечающих основным требованиям полноценного научного журнала, в мире насчитывается примерно вдвое больше, чем фиксирует *Scopus*. При этом доля англоязычных изданий не достигает

1 Все данные по РИНЦ взяты на основе анализа сведений с сайта <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 01.12.2024).

2 Полнотекстовая база данных научных журналов Китая. – URL: <https://podpiska.rcsi.science/storage/materials/cnki/CJFD.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

даже в среднем по всем областям научного знания 50%, тогда как доля журналов на государственных языках, отличных от английского, в общественных науках выше.

Более того, по крайней мере со-поставления в российском научном пространстве показывают, что многие журналы 4-го квартеля *Scopus* (то есть четверть наименее цитируемых в этой базе данных журналов) проигрывают по качеству тем лучшим русскоязычным журналам, которые не индексированы в *Scopus*. Иначе говоря, при действительно весомой роли английского языка в современной науке существуют тысячи хороших журналов, где ежегодно публикуются десятки тысяч статей на иных языках.

Нельзя забывать и тот факт, что навязываемая представителями естественных наук западных стран научометрическая гонка, базирующаяся на оценке статей в журналах, имеет мало общего с традиционной оценкой труда обществоведов на основе научных монографий. На самом деле, книги играют важную роль и во многих других областях науки. Все виды оценок – по количеству наименований, по тиражам, по числу цитирований – лишь отчасти могут дать картину роли той или иной страны в мировом научном процессе, того или иного языка, используемого в научных публикациях. При этом данные часто носят обрывочный характер. Например, появилось исследование, авторы которого оценили объем рынка научных и технических публикаций примерно в 13 млрд долл., причем доля книг в печатном виде составила почти 60%, электронных книг – около 13% (но надо понимать, что последние при прочих равных дешевле аналогичных бумажных

изданий), научных журналов – меньше 20% (остальное – онлайн-сервисы). Ведущими компаниями научной и технической информации названы фирмы из Западной Европы и США: *Informa* (владелец издательств *Routledge*, *Taylor & Francis* и др.), *John Wiley & Sons*, *Reed Elsevier* и *Springer Science+Business Media*³. Вместе с тем опыт зарубежных закупок, благодаря которым последние годы активно комплектуется Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН, показывает, что вклад научных публикаций стран Глобального Юга в такого рода международных оценках занижается (а соответственно меньшим демонстрируется и значение неанглоязычных публикаций).

Показательна статистика ISBN (*International Standard Book Number* – международный стандартный книжный номер), которая завышает вклад нескольких стран, например США, Японии и Республики Корея (за счет широкой практики присвоения разных ISBN одному наименованию в силу наличия у книги разных обложек, электронной версии и некоторых других причин). Одновременно ориентация на ISBN занижает вклад, например, многих арабских стран, где нет обязательного присвоения такого книжного номера каждой книге. К сожалению, в обобщенном виде имеется статистика только по всем книжным изданиям без выделения научных, доля которых меньше половины (при этом максимальный показатель книг *non-fiction* на рынке крупных стран – в Индии). Так, по данным 2022 г. в США было присвоено почти 3,3 млн ISBN, в Японии – 902 тыс., в Южной Корее – 338 тыс., тогда как в Германии – 277 тыс., Бразилии – 179 тыс., а в Великобритании – 153 тыс. [International..., 2023, р. 9].

³ Scientific and Technical Publication Market Report Overview // Business Research Insights. – URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/scientific-and-technical-publication-market-107199> (дата обращения: 28.12.2024).

При этом другой авторитетный источник сообщает, что в 2022 г. в Японии было выпущено в бумажном виде 68,4 тыс. наименований книг (включая учебники), в Южной Корее – почти столько же, зато в Германии – 71,5 тыс., в Бразилии – 146,5 тыс., а в Великобритании – 153 тыс. [The Global Publishing..., 2023, p. 10]. Если по числу ISBN среди развивающихся стран особо выделяется Индия (281 тыс.), заметен стал и вес Индонезии (108 тыс., а в 2021 г. вообще было 159 тыс.), то по количеству наименований книг – Турция (почти 207 тыс., при том что число ISBN меньше 90 тыс.).

Разумеется, статистика по ISBN не дает представления о тиражах книг. Косвенно (с поправкой на разную стоимость аналогичных книг) масштаб книжного рынка иллюстрирует выручка в отрасли. Лидером по итогам 2022 г. были США с показателем 26,2 млрд долл., за ними следовали Германия (9,9 млрд), Япония (9,3 млрд) и Индия (9,1 млрд). Выделялись также Южная Корея (6,7 млрд), Великобритания (5,0 млрд), Франция и Испания (по 2,9 млрд), Россия (1,5 млрд) и Бразилия (1,1 млрд). Однако очевидно, что в первую десятку вместо Бразилии входит Китай, по которому нет точных сведений, хотя он входит в топ-5 по количеству выданных ISBN [The Global Publishing..., 2023, pp. 8, 21–22].

Тем не менее представленные выше разрозненные данные, сопоставленные также с национальными сведениями об основных языках книгоиздания (а в крупных странах доминируют обычно государственные языки), показывают, что весьма значимыми языковыми сегментами книгоиздания выступают наряду с английским немецкий, японский, корейский, китайский, испанский, французский, русский, португальский и турецкий языки. Примечательно, что из официальных языков ООН наиме-

нее используется сейчас в научном мире арабский, который тысячу лет назад был главным языком науки.

Безусловно, можно оценивать связь между политическим влиянием стран и ролью их государственного языка в различных сферах, включая научную. Однако ученые давно обратили внимание на то, что язык, на котором ведется научное исследование, нередко сам определяет характер и направления научных изысканий. Особенно это заметно в работах по философии и филологии [Алпатов, 2017]. В современном мире косвенно язык исследования сильно влияет также на анализ в политологии, где есть, например, фактор цензуры в журналах евроатлантического пространства, и даже в экономике в силу неприятия зарубежных научных школ в американо-британском мейнстриме [Кузнецов, 2024b].

Надо не забывать и о том, что в каждой сколько-нибудь значимой стране сектор образования базируется на государственном языке. Попытки внедрять в вузах повсеместное преподавание на английском в странах, где он не является не только государственным, но и не используется широко в государственном управлении, бизнесе, медицине и других важных сферах общественной жизни, на наш взгляд, является недальновидной политикой. Нелепо выглядят преподаватели, которые на ломаном английском пытаются объяснить материал студентам, которые не владеют английским свободно, тогда как куда эффективнее было донести знания на родном для всех участников процесса языке. Для общественных наук это особенно важно, поскольку столь ценные практические рекомендации от ученых обычно тоже нацелены на аудиторию, которая в жизни пользуется почти исключительно государственным языком.

Конкретные шаги по продвижению русского языка в общественных науках

Представленные выше доводы показывают, что русский язык (как еще несколько языков) способен удерживать определенную нишу в научной жизни, особенно внутри страны. Однако это не отменяет очевидной тенденции к вытеснению русского языка из мировой науки и сокращению престижности русскоязычных публикаций, в том числе для тех российских ученых, которые заинтересованы в развитии своих международных связей также для достижения новых научных результатов. В начале XXI в. такая ситуация воспринималась многими отечественными экспертами обреченно – даже указывая на неприемлемость господства английского языка, особенно в гуманитарных науках, а также явную фору для ученых, у которых английский является родным, они пессимистично призывали лишь стараться овладевать новым языком международного общения как можно лучше [Крючкова, 2005].

Не отрицая важность знания иностранных языков (причем не только английского), все-таки хотим в этой статье указать на несколько упущеных Российской Федерацией возможностей по отстаиванию позиций своего государственного языка в научно-образовательной сфере. Тем не менее до сих пор не все потеряно, хотя приходится учитывать новую реальность и разный потенциал русского языка в различных сегментах, в том числе отраслевых и географических.

Во-первых, до сих пор в научно-образовательном секторе многих стран, причем не только СНГ, работает значительное количество выпускников советских или российских вузов, владеющих русским языком. Немало мест-

ных специалистов в отдельных странах по-прежнему учат русский язык. Вместе с тем в России отсутствуют инструменты финансирования приезда таких исследователей на конференции и краткосрочные стажировки в нашу страну, доступные широкому перечню вузов и научных организаций (пусть и на конкурсной основе). Из-за хронического недофинансирования сектора НИОКР в России и часто непрозрачного распределения имеющихся скучных ресурсов, когда конкурентоспособные на международном уровне исследовательские организации не получают должного объема государственных ассигнований, речь идет не столько даже о поиске средств на перелет и проживание, например, монгольских, иранских или восточноафриканских специалистов, сколько о сложностях с командированием российских специалистов в соответствующие дружеские страны на научные мероприятия.

Аналогичным образом нежелание расходовать в России средства, необходимые для поддержания конкурентоспособности сектора НИОКР, приводят к тому, что совместные грантовые программы реализуются с очень ограниченным количеством стран, готовых к полностью паритетному финансированию с Россией. Например, среди всех стран БРИКС для обществоведов доступны лишь единичные гранты Российского научного фонда (РНФ) с китайскими партнерами. Даже в случае Индии в силу, на наш взгляд, неверно выстроенных приоритетов еще в российско-индийском соглашении 1994 г., подтвержденных в 2010 г. и окончательно закрепленных в 2021 г. (в Дорожной карте сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством науки и технологий Правительства Республики Индия), в 2018 г. в Индии не было выделено ни одного гранта для российских ученых в рамках этого соглашения.

блики Индии), общественные науки из них исключены. Это означает среди прочего, что российские и индийские научные организации, даже имеющие официальные соглашения о партнерстве, не имели права претендовать, например, на гранты РНФ, посвященные изучению экономических связей двух стран (а Индия – второй по значению торговый партнер России) или связанные с культурными контактами (в частности, в ходе празднования юбилейных дат семьи Рерихов).

Особенно подчеркнем, что выстраивавшаяся с 1990-х годов в России «зависимая» модель развития международных научных контактов в социогуманитарных дисциплинах, когда знаком «успеха» для чиновников был подчиненный статус отечественного специалиста (за его поездки платили фонды стран ЕС и США, а требуемые с российского ученого публикации на Западе легче было получить путем добавления формальных соавторов из числа западных ученых), физически не может быть реализуема в странах Глобального Юга. Более того, страны Азии и Африки обычно не имеют ни мотивов (как это было у стран Запада при формировании в среде российских ученых слоя «сочувствующих» политическим идеям евроатлантического сообщества или облегчения «утечки умов» в ЕС и США), ни средств финансово поддерживать российских ученых. Кроме того, совершенно непонятно, почему по-прежнему даже в новых geopolитических условиях в России не спешат предпринимать значимые шаги по продвижению российских научных позиций на Глобальном Юге.

В части продвижения русского языка большую роль могли бы сыграть, например, лаборатории (причем не только в области естественных, технических или медицинских наук, но и для изучения истории, этнографии, филологии

и пр.) под патронажем российских исследовательских центров в странах Азии и Африки. На наш взгляд, через знакомство ученых других стран с российскими научными методами и реальными достижениями ученых роль русского языка (на котором обычно исходно публикуются важные работы россиян) будет повышаться, даже если базовым в качестве языка общения в такого рода лабораториях будет английский. Для Латинской Америки данная модель также возможна, но потребует подготовки дополнительного числа российских обществоведов со знанием испанского.

Во-вторых, продвижению русского языка как языка науки (равно как и популяризации достижений российских ученых) способствует издание энциклопедий. Это систематизированный свод знаний, к которому за получением справочной информации люди обращаются с завидной регулярностью. С горечью приходится признавать неспособность Российской Федерации перевести проект национальной универсальной энциклопедии в электронный вид: как известно, в начале 2025 г. программа развития Большой российской энциклопедии (БРЭ) была ликвидирована, а десятилетиями формировавшиеся коллективы тематических редакций были распущены путем массовых увольнений. По сути, это решение укладывается в общую тенденцию добровольного отказа от конкуренции с англоязычным пространством стран «второго эшелона», ранее считавших себя ведущими научными державами. Так, если, скорее всего, никто всерьез не подвергает сомнению необходимость существования американо-британской электронной универсальной энциклопедии *Encyclopædia Britannica* (при том что последнее (15-е) бумажное 32-томное издание завершено в 2010 г.), то немецкоязычная *Brockhaus Enzyklopädie*, последнее (21-е)

бумажное 30-томное издание которой состоялось в 2005–2006 гг. (тогда же появилась и онлайн-версия), с 2015 г. существует как платный онлайн-сервис под шведским контролем (поскольку запустить немецкую бесплатную онлайн-версию в ФРГ не смогли, хотя планы озвучивались в 2008 г.). Франция и некоторые другие европейские страны отказались от продолжения выпуска собственных больших универсальных энциклопедий еще в XX в.

Разумеется, восходящие научные державы, напротив, усиливают работу по созданию национальных универсальных энциклопедий. Если выпуск бумажной 36-томной версии БРЭ был завершен в 2017 г., то в КНР, которая в середине XX в. активно переводила на китайский советские энциклопедии, вслед за вторым изданием «Энциклопедии Китая» (中国大百科全书) в 32 томах, вышедших в 2009 г., в 2017 г. начата работа по выпуску третьего издания, которое будет иметь и онлайн-версию. При этом издательство «Энциклопедия Китая» активно учитывает как американский опыт издания энциклопедии «Британника», так и советский и ранний постсоветский опыт, когда помимо главной энциклопедии выпускалось много других энциклопедических изданий, в том числе переводимых на иностранные языки⁴. Известны примеры выпуска национальных энциклопедий объемом лишь несколько томов (например, в 2005 г. впервые на вьетнамском во Вьетнаме вышла 4-томная энциклопедия, уже более полувека в Канаде выпускается на английском и французском языках национальная энциклопедия, которая с 1999 г. развивается онлайн). Иран фактически продвигает в мусульманском мире персидский язык через выпуск уникального

издания «Большая исламская энциклопедия» (свыше 20 томов – *Dā'irat al-ta'arif-i buzurg-i Islāmī*), которое имеет также сокращенные версии на арабском и английском.

Выпуск тематических энциклопедических словарей нередко активно осуществляется в странах, которые вырастили национальные школы по подготовке крупных энциклопедий. В результате именно англоязычные энциклопедии доминируют сейчас в мире (но на фоне роста спроса на китайские публикации). Примечательно, что продажи энциклопедий и словарей за рубежом составляют значительную часть доходов от экспорта печатной продукции. В итоге, например, на европейском рынке доминируют британцы, китайцы и американцы, тогда как россияне едва входят в топ-10.

Успех продвижения справочных изданий связан не только с языком, но и с удобной структурой изложения материала, качеством самого текста и иллюстративного материала (поскольку хорошую энциклопедию с высокой степенью вероятности переведут на другие языки). К сожалению, в современной России даже немыслимо представить выпуск разнообразных по тематике энциклопедических словарей, подобных серии на английском языке под брендом *Dorling Kindersley* (при том что в советский период опыт формирования коллективов ученых для подготовки серьезных справочных изданий был большой). Однако откававшись финансировать в России соответствующие работы ученых-обществоведов, не надо потом удивляться, почему, в частности, в весьма солидной исторической энциклопедии британского производства, например, Антарктика упоминается дважды: первый

4 Подробнее см. сайт «Энциклопедии Китая». – URL: <https://www.zgbk.com/gywm/> (дата обращения: 28.12.2024).

раз в связи с пересечением капитаном Дж. Куком в 1773 г. Антарктического круга (когда Россия переживала беспорядки в связи с восстанием Е. Пугачёва), а второй раз в связи с тем, что в 2002 г. от Антарктиды из-за глобального потепления откололся огромный айсберг площадью 3,25 тыс. кв. км [History..., 2018, р. 267, 458]. Умалчивание фактов открытия Антарктиды в 1820 г. и проведения Международного геофизического года на континенте (1957–1958), за которым последовал уникальный международный договор о заморозке территориальных споров, в солидном, но весьма красочном издании не случайно: как известно, британцы давно оспаривают первенство открытия Антарктиды в 1820 г. русскими моряками и первыми заявили о территориальных претензиях на часть континента в начале XX в.

Хорошо известно, что даже, вроде бы, объективный взгляд на вклад россиян в мировую историю и культуру в англоязычных изданиях оказывается преуменьшен – ради вполне понятного желания больше рассказать читателям об их соотечественниках или соседях. На этот раз для примера возьмем иллюстрированный справочник по литературным произведениям: среди немногим более 100 детально разобранных шедевров Россию представляют «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Война и мир» Л.Н. Толстого, а также написанный исходно на английском В.В. Набоковым роман «Лолита». В «дополнительное чтение» из более чем полусотни работ XIX в. включены «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, а также «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Дядя Ваня» А.П. Чехова, пьесам которого посвящена еще и отдельная врезка (в тек-

сте книги упомянуты также вскользь «Повести Белкина» А.С. Пушкина и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, а также «Дневник лишенного человека» И.С. Тургенева, как закрепившего знаменитую для многих русских произведений XIX в. характеристику главного героя). В «дополнительном списке» из примерно 90 работ XX в. среди русских произведений можно увидеть только роман «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, повесть «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, а в тексте отмечается пионерский характер антиутопии Е.И. Замятиня «Мы». Среди почти 40 работ «дополнительного списка» до XVIII в. включительно упомянуто также «Слово о полку Игореве». Вполне достойный выбор, показывающий хорошее знание русской литературы. И формальные претензии к доле русской литературы на уровне 5% от мировой вряд ли можно предъявить британским авторам издания [The Literature..., 2016]. Однако также очевидно, что в аналогичном российском издании о мировой литературе, если бы его подготовка была профинансирована в Российской Федерации, мы увидели бы более широкий спектр ярких образцов русской литературы, в том числе советского периода (например, закономерно больше были бы представлены русская поэзия, проза фронтовиков).

В-третьих, для сохранения русского языка в качестве языка научных исследований необходима популяризация за рубежом научных публикаций россиян, выпущенных на родине. Довольно простым решением, причем не слишком затратным в условиях появления автоматических переводчиков, является выборочный (с целью отсева «проходных» и слабых статей) перевод публикаций из всех ведущих российских журналов на английский,

а возможно, и другие языки (особенно в случае подходящей для соответствующих стран тематики экономических, исторических или политологических публикаций). Правда, с учетом того, что многие сильные российские журналы по общественным наукам выпускают академические организации и другие исследовательские центры с недостаточными для своего развития бюджетами, есть еще более экономичный вариант – выпуск англоязычных библиографий российских публикаций на русском языке. Заинтересовавшийся иностранный читатель сможет прочитать с помощью переводчика на удобном ему языке почти любую российскую научную публикацию из большинства российских журналов «белого списка», которые обычно предоставляет в сети Интернет режим открытого доступа [Кузнецов, 2024а].

Важным является и продвижение за рубежом российских научных монографий. Самым простым способом является расширение международного книгообмена, хотя на этот весьма экономичный способ развития российской «мягкой силы» в современной России также пока не находится достаточных финансовых средств. Более того, помимо рассылки значимых российских монографий в зарубежные научные библиотеки, в рамках книгообмена ведущие отечественные библиотеки будут получать дополнительный поток книжных новинок из-за рубежа. В идеале, разумеется, вспомнить советский опыт издательства «Прогресс», которое ежегодно переводило и издавало на иностранных языках несколько сотен наименований отечественных монографий по социогуманитарным дисциплинам – немыслимая для современной России планка даже в условиях отдельных фи-

нансовых вливаний в некоторые ведущие вузы.

Наконец, Россия должна быть интересным объектом для изучения иностранцев – это сам по себе важный фактор развития общественных наук, связанных с использованием русского языка. В данном случае уместно вспомнить, что, когда Советский Союз рассматривался ведущими странами Запада как равный конкурент, советологические исследования расцветали. Сейчас же изучение России, например в США, переживает не лучшие времена [Надточей, 2023]. В последние годы, увы, стало нормой не знать русский язык при изучении Российской Федерации (правда, такой подход нередко заывает западных специалистов в тупик).

* * *

Как видно из представленного анализа, одной из ключевых проблем сокращения роли русского языка в научной жизни обществоведов и гуманитариев является добровольный уход Российской Федерации с первых позиций на мировой арене. Первопричина – нежелание тратить достаточные средства на НИОКР: по данным Всемирного банка, в 2022 г. Россия расходовала на эти цели 0,93% своего ВВП против 2,68% в среднем по миру и 3,02% в среднем по Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Впереди Российской Федерации были не только такие признанные лидеры, как США, Япония, Германия, Швеция или Швейцария (свыше 3% ВВП), не говоря уже о Республике Корея (более 5%) и Израиле (6%), но и Малайзия и Египет (тратят на НИОКР примерно 1% ВВП), Бразилия (1,2%), ОАЭ (1,5%) и Китай (свыше 2,5%)⁵. Если к тому же учесть непрозрачность рас-

5 Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart> (дата обращения: 28.12.2024).

пределения существенной части ассигнований на науку в России и очевидные по своей неэффективности отдельные решения, то легко увидеть, как незначительным в масштабах страны увеличением ассигнований при изменении общих подходов чиновников можно в течение нескольких лет переломить тенденцию вытеснения русского языка другими языками. При этом, однако, нельзя забывать и о задаче повышения уровня владения российских научных английским языком, поскольку безотносительно к перспективам китайской или испаноязычной научной литературы на данный момент почти половина всех публикаций издается всё-таки на английском и именно этот язык во многих (хотя не всех) странах может быть успешно применен как рабочий язык для международного общения.

Список литературы

Аллатов В.М. Глобализация: языки общения и языки науки // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 3. – С. 320–335.

Крючкова Т.Б. Русский и английский языки в сфере российской науки в условиях глобализации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2005. – № 1 (16). – С. 109–130.

Кузнецов А.В. Важность европейских языков для российских научных контактов с Глобальным Югом // Современная Европа. – 2024а. – № 7 (128). – С. 170–181. – DOI: 10.31857/S0201708324070143.

Кузнецов А.В. Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024б. – Т. 18, № 3. – С. 15–25. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-15-25.

Марусенко М.А., Шабалина А.В. Французский язык – международный язык дипломатии: о соотношении исторической реальности и династического заказа // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2009. – № 2. – С. 95–108.

Надточай Ю.И. Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 72–93. – DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05.

Флеров О.В. Сравнительно-сопоставительный анализ романо-германских языков на предмет трудности их изучения // Наука на благо человечества – 2017 : сборник научных статей. – Москва : МГОУ, 2017. – С. 71–78.

Céspedes L. Latin American journals and hegemonic languages for academic publishing in Scopus and Web of Science // Trabalhos em Linguística Aplicada. – 2021. – Vol. 60, N 1. – P. 141–154. – DOI: 10.1590/010318138901311520201214.

History Year by Year. The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. – 2nd ed. – London : Penguin Random House, Dorling Kindersley, 2018. – 512 p.

International Publishing Data 2023 / Mathur V. [et al.] (Nielsen BookData Team). – New Delhi : International Publishers Association, 2023. – 317 p. – URL: <https://internationalpublishers.org/wp-content/uploads/2023/11/IPA-Nielsen-BookData-IPA-Full-Report-23022024.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

Neednam J., Robinson K. Literary Chinese as a scientific language // Comparative Criticism: An Annual Journal. – 1991. – Vol. 13. – P. 3–30.

The Global Publishing Industry in 2022. – Geneva : WIPO, 2023. – 32 p.

The Literature Book. – London : Penguin Random House, Dorling Kindersley, 2016. – 352 p.

Science and Higher Education

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

The Role of the State Language in Scientific Research in the Social Sciences

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.)

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsov A.V. (2024). The Role of the State Language in Scientific Research in the Social Sciences. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 6–19 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Received: 05.12.2024.

Revised: 22.12.2024.

ABSTRACT. Modern science has almost always evolved in the context of dominant languages that facilitate communication among scientists across national boundaries. However, over the past thousand years, several languages have fulfilled this role in significant regions of the world – most notably Arabic, Latin, Classical Chinese, and German. Since the second half of the twentieth century, English has taken a leading position; however, it still accounts for less than 50% of all scientific publications. As the article demonstrates, precise statistics are lacking, and the available data can be interpreted in multiple ways. Moreover, the use of national languages varies considerably across scientific disciplines. In many areas of the social sciences, for instance, it remains impossible to gain a comprehensive understanding of current scholarly knowledge without engaging with literature published

in Chinese, Spanish, Russian, and other official languages of major research and development powers. In this context, Russia – advocating for a more polycentric world order – should adopt state policy measures aimed at promoting the Russian language internationally, particularly within the scientific and educational domains, while also strengthening its status domestically. This, however, does not imply a rejection of English. As the article argues, addressing specific challenges requires a nuanced, well-calibrated policy that integrates a diverse set of complementary instruments.

KEYWORDS: languages of international communication, language of scientific publication, academic journals, statistics on book publishing, the role of language in the nature of research, export of Russian books abroad, promotion of the Russian language in the social sciences.

References

- Alpatov V.M. (2017). Globalization: Languages of Communication and Languages of Science. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS*. No. 3, pp. 320–335 (in Russian).
- Céspedes L. (2021). Latin American journals and hegemonic languages for academic publishing in Scopus and Web of Science. *Trabalhos em Linguística Aplicada*. Vol. 60, no. 1, pp. 141–154. DOI: 10.1590/010318138901311520201214.
- Flerov O.V. (2017). Comparative and contrastive analysis of Romano-Germanic languages for the difficulty of their study. In: *Science for the Benefit of Humanity – 2017*. Collection of scientific articles. Moscow: MGOU, pp. 71–78 (in Russian).
- History... (2018). *History Year by Year. The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World*. 2nd ed. London: Penguin Random House, Dorling Kindersley, 512 pp.
- International... (2023). Mathur V. et al. (Nielsen BookData Team). *International Publishing Data 2023*. New Delhi: International Publishers Association, 317 pp. Available at: <https://internationalpublishers.org/wp-content/uploads/2023/11/IPA-Nielsen-BookData-IPA-Full-Report-23022024.pdf>, accessed 01.12.2024.
- Kryuchkova T.B. (2005). Russian and English languages in the sphere of Russian science in the context of globalization. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. No. 1 (16), pp. 109–130 (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2024a). The Importance of European Languages for Russian Scientific Contacts with the Global South. *Contemporary Europe*. No. 7 (128), pp. 170–181 (in Russian). DOI: 10.31857/S0201708324070143.
- Kuznetsov A.V. (2024b). The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. Vol. 18, no. 3, pp. 15–25 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-15-25.
- Marusenko M.A., Shabalina A.V. (2009). The French Language as the International Language of Diplomacy: Historical Fact vs. Dynastic Fiction. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 95–108 (in Russian).
- Nadtochey Yu.I. (2023). Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 5, pp. 72–93 (in Russian). DOI: 10.31249/lgt/2023.05.05.
- Neednam J., Robinson K. (1991). Literary Chinese as a scientific language. *Comparative Criticism: An Annual Journal*. Vol. 13, pp. 3–30.
- The Global Publishing... (2023). *The Global Publishing Industry in 2022*. Geneva: WIPO, 32 pp.
- The Literature... (2016). *The Literature Book*. London: Penguin Random House, Dorling Kindersley, 352 pp.